

О расколѣ въ русскомъ народѣ и обществѣ.

1882—1883.

Истинная сущность церкви связана съ ея вселенскимъ или каеодическимъ характеромъ. А вселенскій этотъ характеръ съ двухъ сторонъ проявляется: во-первыхъ, во внѣшней цѣлости церкви, свободной ото всякихъ ограниченностей племенныхъ, мѣстныхъ и временныхъ, а во-вторыхъ, во внутренней цѣлости церковныхъ основъ, обнимающихъ собою все существо человѣка и всемірной жизни. Нарушая эту двоякую цѣльность, *подчиняя* церковь какимъ-нибудь мѣстнымъ или временнымъ ограниченностямъ, или же посягая на самыя основы церкви (въ іерархіи, въ догматахъ, въ таинствахъ), мы тѣмъ самымъ отдѣляемъ себя отъ единой вселенской церкви, становимся сектантами. Будучи отрицаніемъ церкви по существу, сектантство уясняетъ намъ сущность церкви. Уже ради этого одного полезно намъ будетъ разсмотрѣть и нашъ русскій расколъ какъ протонародный, возникшій въ XVII столѣтіи, такъ и тотъ, который появился въ наши времена среди образованнаго общества.

Нашъ народный расколъ, хотя вначалѣ выступаетъ въ защиту божественныхъ и неизмѣнныхъ формъ церкви противъ всякихъ человѣческихъ нововведеній, но подмѣнивая истинный признакъ божественности — каеодичность — другимъ внѣшнимъ, условнымъ и неопредѣленнымъ признакомъ *старинны* или отеческаго преданія, расколъ постепенно удаляется отъ божественнаго содержанія церкви, растворяя широкія врата всякому человѣческому произволу и личному мудрованію.

Исходя изъ совершенно вѣрнаго и православнаго убѣжденія, что церковь свята и божественна не только въ сокровенномъ началѣ, но и въ самыхъ видимыхъ формахъ своихъ, расколъ въ своей націо-

нальной исключительности, лишенный истиннаго понятія о божественномъ какъ вселенскомъ, не могъ распознать, *какія* именно видимыя формы церкви и въ чемъ именно онѣ божественны, а поэтому смѣшалъ божеское съ человѣческимъ, вѣчное съ временнымъ, частное съ всеобщимъ. Не останавливаясь на всѣхъ пунктахъ первоначальнаго раскола, упомяну о двухъ главнѣйшихъ: объ имени Христовомъ и о разности въ чтеніи Символа вѣры.

Имя Христово, величайшее и могущественнѣйшее всѣхъ именъ на небѣ и на землѣ, не есть что-нибудь случайное и маловажное, а воистину божественное; но можетъ ли это его божественное значеніе быть связано съ особенностью произношенія и начертанія этого имени и при томъ съ такою особенностью, которая не соотвѣтствуетъ ни первоначальному виду этого имени на языкѣ еврейскомъ, ни греческому его видоизмѣненію, въ которомъ оно намъ передано Евангеліемъ? То произношеніе Христова имени, за которое стоятъ старовѣры, какъ за единственно православное — Иисусъ — несвойственно никому изъ извѣстныхъ языковъ, кромѣ русскаго простонароднаго; слѣдовательно, видѣть въ этомъ произношеніи отличительный признакъ православія значитъ утверждать, что никто кромѣ русскаго простонародья не можетъ быть православнымъ, — что истинная церковь должна ограничиваться необразованною частью русскаго народа и что до X вѣка, когда впервые могло прозвучать русское произношеніе имени Христова, совсѣмъ не было истиннаго православія; а такія положенія, если устранить ихъ грубую оболочку, сводятся къ рѣшительному отрицанію вселенскаго каеолическаго свойства церкви во имя мѣстной и временной исключительности, что прямо обращается противъ самого божественнаго основанія церкви; ибо этимъ связываютъ дѣйствіе Божіе и хотятъ подчинить его такому ограниченному явленію, какъ звуки какого-нибудь народнаго просторѣчья.

Подобное же значеніе имѣетъ и другой пунктъ раскола — различіе Символа. Когда старовѣры утверждаютъ, что «господствующая» церковь, выкинувъ будто бы изъ члена о Духѣ Святомъ слово «истиннаго», отступила отъ православія и даже погрѣшила хулой на Духа Святаго, то важно здѣсь не фактическое заблужденіе старовѣровъ, основанное на простомъ невѣдѣніи, а то заключеніе, къ которому они приходятъ. Хотя «господствующая» церковь и не выкидывала изъ сказаннаго члена Символа такое слово, которое не могло находиться въ его подлинномъ текстѣ, а лишь попало въ наши позд-

вѣйшіе списки какъ сомнительный вариантъ славянскаго перевода¹, но допуская даже, что раскольники фактически были бы и правы, остается вопросомъ, правильно ли ихъ заключеніе. Вопросъ принципиальный: вставка или исключеніе какихъ-нибудь словъ въ соборномъ Символѣ вѣры со стороны какой-нибудь мѣстной церкви (т. е. въ какой-нибудь части церкви) есть ли *само по себѣ* отступленіе отъ православія? Отцы вселенскихъ соборовъ, утвердившіе Никео-Константинопольскій Символъ, запретили что-нибудь измѣнять въ немъ, что-нибудь вставлять или исключать; но спрашивается: къ чему собственно относится это запрещеніе, — относится ли оно къ словамъ Символа *со стороны ихъ смысла*, какъ къ выражающимъ нѣкоторыя *понятія* (*λόγος* = слово = понятіе), служащія къ опредѣленію и точнѣйшему формулированію православнаго вѣроученія; — или же запрещеніе имѣетъ въ виду неприкосновенность самаго звука и числа словъ, какъ *речений* (а не какъ понятій), независимо отъ того, что этими реченіями выражается? Если бы послѣднее предположеніе было вѣрно, то этимъ осуждался бы, какъ отступленіе отъ православія, всякій переводъ Символа съ первоначальнаго языка на другіе, а такое утвержденіе въ особенности не можетъ быть допущено старовѣрами, которые стоятъ именно за одинъ изъ переводовъ Символа — славянскій². Если же скажутъ, что, не возбраняя точнаго и дословнаго перевода на другой языкъ, соборное постановленіе запрещаетъ только вставку новыхъ словъ или исключеніе находящихся въ текстѣ, то должно

¹ Именно греческое слово *τὸ θεῖον* одни переводили „Господа“ другіе „истиннаго“, а третьи, соединяя оба чтенія — „Господа истиннаго“.

² Безъ сомнѣнія, къ Символу на славянскомъ языкѣ Символъ на греческомъ языкѣ относится какъ подлинникъ къ переводу. Но съ точки зрѣнія вселенской церкви едва ли возможно отдавать и греческому языку безусловное преимущество; ибо во времена составленія Символа, т. е. задолго до раздѣленія церковей, латинскій языкъ для всей церкви во всякомъ случаѣ имѣлъ такое же значеніе, какъ и греческій. Тотъ фактъ, что вселенскіе соборы созывались на Востокѣ и что ихъ опредѣленія составлялись первоначально на греческомъ языкѣ, никакъ не можетъ давать этому послѣднему какого-либо преимущества *de jure*, ибо этотъ фактъ имѣлъ лишь ту простую и естественную причину, что всѣ главныя ереси (противъ коихъ и созывались вселенскіе сооры) появились на Востокѣ и всѣ главные еретики говорили и писали по-гречески, а не по-латыни.

замѣтить, что безъ такихъ вставокъ и исключеній совершенно невозможно вразумительный переводъ съ одного языка на другой. Такъ, уже одно существованіе въ греческомъ языкѣ грамматическаго члена и нѣкоторыхъ особенныхъ частицъ, не существующихъ, напримѣръ, въ латинскомъ языкѣ, дѣлаетъ невозможнымъ, чтобы латинская версія дословно соответствовала греческому тексту; но если даже не считать этихъ частицъ за слова, то при переводѣ на другіе менѣе близкіе языки разница должна коснуться другихъ, уже весьма существенныхъ въ грамматическомъ отношеніи словъ. Такъ, напримѣръ, въ самомъ началѣ Символа, тамъ, гдѣ грекъ, латинянинъ и славянинъ употребляетъ одинъ только глаголь: «πιστεύομαι», «credo», «вѣрую», тамъ нѣмецъ, англичанинъ, французъ, долженъ употреблять два слова — глаголь и мѣстоименіе «Ich glaube», «I believe», «je crois»; и однакоже никому не придетъ въ голову такое прибавленіе цѣлаго слова считать искаженіемъ Символа и отступленіемъ отъ православія и именно потому, что, измѣняя не только звуки, но и число словъ, такое прибавленіе нисколько не измѣняетъ выражаемаго ими *смысла*. Итакъ, соборное запрещеніе измѣнять Символъ вѣры можетъ относиться только къ смыслу и понятіямъ, а никакъ не къ звукамъ и числу словъ самимъ по себѣ. Поэтому неудивительно и вполне справедливо, что церковные отцы и учителя IV вѣка такъ горячо спорили за *ὁμοουσιος* противъ *ὁμοιούσιος*, т. е., повидимому, буквально противъ одной только *iota*, но здѣсь эта *iota*, почти незамѣтно измѣняя звукъ, существенно измѣняла *смыслъ* опредѣленія, такъ какъ *ὁμοουσιος* (единосущный или тождесущный) значитъ совсѣмъ не то, что *ὁμοιούσιος* (подобносущій), ибо совсѣмъ не одно и то же сказать, что двое имѣютъ одно существо, или что они только похожи другъ на друга. Здѣсь, слѣдовательно, споръ шелъ не о *iota* самой по себѣ, а о смыслѣ основного христіанскаго догмата³. Точно также и разность въ чтеніи Символа между господствующею церковью и старообрядцами могла бы имѣть значеніе для вѣры и благочестія толь-

³ Еще болѣе разительный фактъ въ пользу нашего утвержденія: то самое слово *ὁμοούσιος* которое такъ рѣшительно было принято великимъ Никейскимъ соборомъ, это же самое слово въ предшествовавшемъ столѣтіи было отвергнуто и осуждено на православномъ соборѣ Антиохійскомъ противъ Павла Самосатскаго, который при выраженіи своей ереси употреблялъ также слово *ὁμοούσιος*, но только въ другомъ *смыслѣ*.

ко въ томъ случаѣ, если бы ею затрагивался догматическій смыслъ Символа, т. е. если бы ею измѣнялось выражаемое въ сказанномъ членѣ Символа понятіе и опредѣленіе о Духѣ Святомъ. Но не трудно видѣть, что, исповѣдуя Духа святымъ, Господомъ, животворящимъ, отъ Отца исходящимъ, со Отцемъ и Сыномъ спокланяемымъ и славимымъ, глаголавшимъ пророки, мы тѣмъ самымъ исповѣдуемъ Его и истиннымъ, ибо къ неистинному всѣ эти атрибуты совсѣмъ неприложимы. Поэтому если бы даже и правду говорили раскольники, что господствующая церковь исключила изъ Символа слово «истиннаго», то исключеніе было бы лишь плеоназмъ и, слѣдовательно, такое исключеніе имѣло бы лишь грамматическое, а не догматическое значеніе. Догматичны и общеобязательны опредѣленія Символа лишь *въ силу ихъ смысла*, ибо этотъ смыслъ можетъ быть одинаковъ для *всѣхъ* народовъ и временъ, можетъ имѣть вселенское, католическое значеніе, которое никакъ не принадлежитъ отдѣльнымъ реченіямъ и звукамъ. Таковъ взглядъ, заявленный русскою церковью своимъ дѣломъ, ибо, принимая въ свое церковное общеніе старообрядцевъ на правилахъ единовѣрія, она не возбраняетъ имъ читать Символъ со вставкою «истиннаго», очевидно потому, что эта вставка, хотя формально и лишенная достаточнаго основанія, не заключаетъ однако по смыслу своему ничего противнаго православной вѣрѣ.

Если бы всѣ подобные вопросы были такъ поставлены на полтора вѣка раньше, чѣмъ учреждено единовѣріе, тогда, безъ сомнѣнія, лучшая часть раскольниковъ осталась бы въ церкви, а ушедшіе не имѣли бы извиненія. Къ несчастью, съ самаго начала раскола мученическій вѣнецъ покрылъ неправду раскольниковъ, а внутренняя работа всей церкви осталась невидимою за несправедливыми и насильственными дѣйствіями нѣкоторыхъ церковныхъ людей, и болѣзнь раскола сдѣлалась тѣмъ опаснѣе, что получила нѣкоторую видимость духовнаго зравія. Дѣло, испорченное въ началѣ, трудно было поправить впослѣдствіи при самыхъ лучшихъ желаніяхъ; даже такое правильное дѣйствіе церковной власти, какъ учрежденіе единовѣрія, оказалось запоздавшимъ и не могло упразднить ненормальное отдѣленіе старообрядцевъ отъ церкви. Единственный здѣсь выходъ и исцѣленіе раскола — въ новомъ обнаруженіи истинной цѣлости церковной: оставляя всѣ односторонніе пристрастія и интересы, должно намъ рѣшительно стать на почву самаго вселенскаго католическаго христіанства, имѣть въ виду единственно только самую святыню

Божіей церкви. Для признающихъ вѣчно дѣйственную истину, для вѣрующихъ въ присутствіе божественнаго на землѣ въ видимыхъ формахъ, непростительно основываться на однихъ человѣческихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ. Если мы умѣемъ различать между божескимъ и человѣческимъ, то свое законное сочувствіе къ страданіямъ заблуждающихся мы не станемъ переносить на самое заблужденіе и не будемъ изъ человѣколюбія любить человѣческое зло; справедливо осуждая тѣхъ, кто во имя благодати и истины творитъ насиліе и неправду, мы изъ-за этого не отречемся отъ самой благодати и истины. Когда призванные къ тяжело больному врачи, обладающіе цѣлительнымъ и животворнымъ средствомъ, по неумѣнію или лѣности оставляютъ его безъ употребленія, прибѣгая къ другимъ, болѣе легкимъ, но совершенно непригоднымъ способамъ, — и тѣмъ только усугубляютъ болѣзнь, мы, видя это и порицая такое плохое лѣченіе, изъ-за него не отвергнемъ настоящаго благотворнаго лѣкарства, а также не станемъ увѣрять себя и другихъ, что и самой болѣзни вовсе не существуетъ, что все выдуманно неискусными врачами, что, напротивъ, этотъ видимый недугъ и есть самое настоящее здоровье. Нѣтъ, воистину церковный расколъ есть тяжкая и сложная болѣзнь народнаго духа, и здѣсь прежде всего нужна вѣрная и точная *диагноза*.

Правда, здѣсь, какъ и вездѣ, характеръ болѣзни не сразу опредѣлился, и нѣкоторыя патологическія явленія могли быть смѣшаны съ признаками здоровой жизни. Съ одной стороны, въ пользу первыхъ двигателей раскола говоритъ ихъ полная искренность, ихъ непоколебимая увѣренность, что, защищая подробности стараго обряда, они стоятъ за святое дѣло отеческаго преданія, за истинную вѣру и благочестіе, и наконецъ ихъ пламенная готовность отдать свою жизнь за это святое для нихъ дѣло, — такія черты придаютъ лучшимъ изъ раскольниковъ видъ религіозныхъ подвижниковъ, борцовъ за христіанскую совѣсть и духовную свободу. Съ другой стороны, при распознаваніи этого движенія сбиваетъ съ толку крайняя ничтожность его поводовъ, очевидно относящихся болѣе къ правописанію, нежели къ православію, и съ этой стороны легко увидѣть въ раскольникахъ исключительно лишь невѣжественныхъ и тупоумныхъ фанатиковъ. Однако и то и другое будетъ ошибочно. При болѣе внимательномъ взглядѣ должно убѣдиться, что хотя въ первоначальномъ расколѣ присутствовало и религіозное воодушевленіе, доходившее иногда до героизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ невѣжественный фанатизмъ, доходившій

иногда до полного помраченія ума, но что и то и другое было лишь сопровождающими обстоятельствами раскола, а никакъ не его главной основой. Когда раскольники возстали за свои отеческія преданія, то важно было не то, насколько горячо они за нихъ стояли, а также и не то, что эти отеческія преданія сводились у нихъ къ старымъ печаткамъ въ русскихъ служебникахъ, а важно и значительно было то, что отеческія преданія, т. е. мѣстные русскіе обычаи, сложившіеся въ XVI вѣкѣ (эпоха Стоглава), выступили на первый планъ въ области вѣры и благочестія, т. е. въ той области, гдѣ не должно быть ни эллина, ни іудея, ни нѣмца, ни русскаго, ни старины, ни новизны; важно то, что вселенская истина исчезла здѣсь передъ народнымъ обычаемъ, который выдавался за вселенскую истину; важно то, что на мѣсто Божьяго и всемірнаго вдругъ явилось *свое, отдѣльное*. Вотъ гдѣ начало болѣзни. Она была вызвана со стороны духовныхъ властей слишкомъ суровымъ образомъ дѣйствій при исправленіи книгъ церковныхъ: всѣ болѣзни чѣмъ-нибудь вызываются. Но если правители церковные иногда неправо дѣйствовали, то раскольники неправо мыслили. Ибо, утверждаясь на своемъ отеческомъ преданіи, они забывали, что отцы ихъ были такіе же люди, какъ и они, и что, слѣдовательно, отеческое преданіе *само по себѣ* есть лишь *человѣческое* преданіе и, какъ такое, не можетъ имѣть высшаго божественнаго авторитета. Божественное значеніе можетъ быть усвоено преданію лишь въ силу освященія свыше, признаки котораго и составляютъ основаніе его авторитета. Такимъ освященіемъ обладаетъ церковь, поскольку она основывается не на мѣстномъ или какомъ другомъ частномъ преданіи, а на преданіи вселенскомъ или *каѳолическомъ*, которое священно не по временной старинѣ и не по человѣческому обычаю, а по своему божественному происхожденію и вѣчному значенію. Дѣло не въ преданіи, а въ его каѳолическомъ характерѣ. Вообще преданіе есть нѣчто неопредѣленное: почти все въ жизни человѣческой, доброе и худое, передано намъ отъ прежнихъ временъ и, слѣдовательно, все это преданіе; но далеко не все есть преданіе каѳолическое или вселенское, — это послѣднее есть нѣчто вполне опредѣленное, по существу своему истинное и божественное. Будучи всеобъемлющимъ, оно не вынуждаетъ человѣка отказываться ни отъ чего добраго, оно не упраздняетъ человѣческой разумъ, не заставляетъ человѣка безсмысленно принимать и поклоняться случайнымъ и произвольнымъ человѣческимъ установленіямъ. Признавая это преданіе.

разумъ не унижается передъ неразумнымъ, а свободно подчиняется Высшему Разуму. Каеолическое преданіе именно потому, что исходить не изъ разума человѣческаго, а изъ сущей истины, вполне удовлетворяетъ истиннымъ потребностямъ самого разума и открывается ему какъ *преданіе* въ высшемъ смыслѣ *разумное*.

Не таково «отеческое преданіе» старовѣровъ. Исходя изъ желанія сохранить неприкосновенными всѣ переданныя формы церкви, не различая въ нихъ всеобщаго и вѣчнаго отъ мѣстнаго и временнаго и ставя послѣднее на мѣсто перваго, старовѣріе ничего не сохраняетъ и, теряя важнѣйшія условія церковной жизни — іерархію и таинства, — является лишь отрицаніемъ каеоличности, *протестантизмомъ мѣстнаго преданія*, подобно тому, какъ у нѣмцевъ явился протестантизмъ личнаго убѣжденія.

Распространяясь въ невѣжественной и умственно неразвитой средѣ, старовѣріе естественно должно было принять грубыя и невѣжественныя формы. Но въ немъ присутствуетъ еще нѣкоторое скрытое убѣжденіе, которое глубже этого формальнаго невѣжества и могло бы проявиться и проявлялось и въ другихъ формахъ. Убѣжденіе это состоитъ въ томъ, что видимая церковь уже закончила свой ростъ, что она есть нѣчто *совершенное въ прошедшемъ*; отсюда исключительное значеніе всего стараго, всякаго завѣщаннаго прошедшимъ преданія. Такимъ образомъ нераздѣльно съ *мѣстною* ограниченность раскола, какъ исключительно *русской вѣры*, является его ограниченность относительно *времени*, какъ исключительно старой вѣры. Здѣсь вся церковь отождествляется съ ея явленіемъ въ прошедшемъ, и божественное полагается только въ старинѣ. Въ настоящемъ ничего божественнаго не происходитъ, все божественное уже произошло. Но кто же носитель этого прошедшаго, кто хранитель этого преданія? Церковь въ своей іерархической организаціи. Но вотъ, по мнѣнію старовѣровъ, вся церковная іерархія, и архіереи и попы, а за ними и большинство мірянъ отступили отъ прошедшаго, замѣнили отеческія преданія новизнами. Итакъ, кто же остается хранителемъ преданія? Никто какъ отдѣльная личность, личная вѣра и совѣсть. И вотъ, какъ бы снаружи ни отличалось наше старовѣріе отъ западнаго протестантизма, оказывается, что основной принципъ того и другого одинъ: *личное мнѣніе противъ вселенскаго опредѣленія церкви, частное противъ цѣлаго*. Дѣло не въ томъ, что протестантовъ меньше, чѣмъ католиковъ (ихъ могло бы быть и больше), или старовѣровъ

меньше, нежели членовъ греко-россійской церкви (ихъ также могло бы оказаться и больше), а дѣло въ томъ, что и западный протестантъ и рускій раскольникъ отвергаютъ въ видимой церкви именно то, что выше и сильнѣе отдѣльнаго лица, что можетъ дѣйствительно исцѣлить его и реально связать съ Божествомъ — ея всецѣлость и каѳоличность церкви. Ибо хотя протестантъ для своей личной религіозности ищетъ предметной опоры въ буквѣ Священнаго Писанія, а раскольникъ въ буквѣ обряда, но и то и другое необходимо являются здѣсь какъ нѣчто подчиненное личному духу и имъ поглощаемое. И Писаніе и обрядъ, предметно взятые, суть лишь частныя, хотя и весьма важныя проявленія богочеловѣческой жизни въ церкви — великіе памятники дѣйствія въ ней Духа Божія; но и то и другое, само по себѣ или въ отдѣльности взятое, есть лишь вещь и мертвая форма; жизненный же смыслъ и значеніе эти мертвыя вещи получаютъ или какъ часть отъ всей полноты церкви, т. е. отъ дѣйствія того же живущаго въ ней Духа Божія, которымъ онѣ и созданы; или же, когда церковь отвергнута, — отъ единичнаго лица, ими пользующагося; въ послѣднемъ случаѣ, это единичное лицо и остается господиномъ и судьей всего дѣла, а такъ какъ человекъ не можетъ быть господиномъ и судьей божественнаго, то все божественное отъ него и уходитъ.

Имѣя въ себѣ зародышъ протестантства, рускій расколъ до конца возростилъ его. Уже въ старовѣрїи дѣйствительнымъ хранителемъ старины и преданія является отдѣльное лицо. Само это лицо живетъ не въ прошедшемъ, а въ настоящемъ; принятое же преданіе, не имѣя здѣсь предъ лицомъ преимущества живой всецѣлости или каѳоличности (какъ въ церкви вселенской) и будучи само по себѣ мертвой формой, оживляется и одухотворяется здѣсь лишь вѣрою и благочестіемъ своего настоящаго хранителя — единичнаго лица. Но лишь только такое положеніе начинаетъ сознаваться, какъ неизбежно центръ духовнаго тяготѣнія переходитъ изъ мертваго прошедшаго въ живое настоящее, условный предметъ преданія теряетъ всякую цѣну, и все значеніе переносится на самостоятельнаго личнаго носителя преданія, а отсюда уже прямой переходъ къ тѣмъ свободнымъ сектамъ, которыя въ основу религіи завѣдомо полагаютъ личное вдохновеніе и личную праведность. Если старовѣрїе ограничиваетъ видимое откровеніе божественнаго исключительно прошедшимъ, то эти свободныя (отъ преданія) секты ограничиваютъ его столько же исклю-

чительно настоящимъ. При чемъ однѣ изъ этихъ послѣднихъ (мистики) все общеніе человѣчества съ Божествомъ сводятъ къ даннымъ мистическимъ состояніямъ отдѣльныхъ людей (живые боги, непрерывно вновь появляющіеся христы, богородицы и т. д.), другія же (раціоналисты) ограничиваютъ все дѣло спасенія наличной праведностью отдѣльныхъ людей, ихъ видимыми добрыми дѣлами. И тѣ и другіе — и мистики и раціоналисты — рѣшительно отвергая вселенское преданіе и всякую сверхсознательную, существенную связь въ христіанскомъ человѣчествѣ, образующую его въ нѣчто цѣлое, — видятъ и знаютъ только текущую религіозную дѣйствительность, только настоящую минуту религіознаго сознанія, какъ она выражается въ душевныхъ состояніяхъ и нравственныхъ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ. Оставаясь въ этой наличной человѣческой дѣйствительности, какъ она есть, можно, по ихъ убѣжденію, непосредственно воспринять всю полноту богочеловѣческой жизни и прямо войти въ царствіе небесное ⁴.

И старовѣры, держашіеся въ религіи исключительно прошедшаго, и наши свободные сектанты, предающіеся исключительно настоящему, сходятся между собою и имѣютъ то общее, что и для тѣхъ и для другихъ совсѣмъ не существуетъ церковь какъ цѣлое, вселенская церковь, независимая ни отъ мѣста, ни отъ временъ, не исчерпываемая ни настоящимъ, ни прошедшимъ, но простирающаяся впередъ къ будущей славѣ. Этой вселенской цѣлости, опирающейся на живомъ преданіи, дѣйствующей въ настоящемъ и постепенно подготовляющей царствіе Божіе — этой всеединой цѣлости одинаково чужды обѣ главныя вѣтви раскола. Ихъ отношеніе къ церкви и между собою можетъ быть выражено такимъ сравненіемъ. Если видимую церковь въ ея постепенномъ восхожденіи къ совершенству сравнить съ лѣст-

---

⁴ Хотя всѣ наши свободныя секты развились самостоятельно, но, вслѣдствіе существенной одинаковости ихъ началъ съ началами западнаго протестанства въ различныхъ его видоизмѣненіяхъ, неудивительно, что уже при самомъ возникновеніи нашихъ сектъ обнаруживалось симпатическое притяженіе между ними и различными явленіями западнаго протестанства. Такъ несомнѣнно въ этомъ смыслѣ вліяніе протестантскаго мистика Квирина Кульмана на секту людей Божіихъ (хлыстовъ), такое же воздѣйствіе квакерства на духоборцевъ, и въ новѣйшее время протестанство въ лицѣ нѣмцевъ-колонистовъ оказало несомнѣнное вліяніе на образованіе южно-русской секты штурдистовъ.

лицею, ведущей отъ природнаго челоѣчества къ прославленному и отъ земнаго міра къ небесному царствію Божию, то старовѣры, стоя на серединѣ этой лѣстницы, смотрятъ только на ближайшія подъ ними нижнія ступени и всякій шагъ кверху считаютъ гибелью, при чемъ они, разумѣется, теряютъ изъ виду самую цѣль восхожденія и уже никакъ не могутъ ея достигнуть; другіе же свободные сектанты хотя и имѣютъ въ виду эту цѣль наверху, но воображаютъ, что ее можно теперь, сейчасъ же достигнуть, если прямо съ той ступени, на которой они стоятъ, бросивши всю лѣстницу, какъ ненужную и только препятствующую свободѣ движенія, сразу взлетѣтъ кверху, при чемъ однако, въ силу непреложныхъ законовъ нравственнаго тяготѣнія, такой полетъ принимаетъ совсѣмъ не то направленіе, какое было желательно.

Русскій расколъ въ двухъ основныхъ своихъ развѣтвленіяхъ, старовѣріи и свободномъ сектанствѣ, изъ коихъ каждое въ свою очередь раздѣляется на двѣ главныя отрасли, а именно: старовѣріе — на поповщину и безпоповщину, а свободное сектанство — на мистическую и рационалистическую отрасль, — русскій расколъ въ этихъ четырехъ фазисахъ представляетъ строгую послѣдовательность своего отрицательнаго хода, своего постепеннаго удаленія отъ божественнаго основанія церкви или, что то же, отъ каѳоличества. 1) Старовѣры *поповцы* рѣшительно признаютъ (въ принципѣ) благодать, пребывающую въ церкви, но, связывая ее исключительно съ прошедшимъ, въ этомъ смыслѣ нарушаютъ вселенскій характеръ церкви и фактически отъ нея отдѣляются. Жизненная связь ихъ съ церковью порвана, настоящая жизнь церкви для нихъ не существуетъ, а продукты прежней жизни (переданныя формы церковныя), отдѣленные отъ своей живой почвы, остаются у нихъ лишь какъ *carut mortuum* (мертвая голова), какъ внѣшній предметъ, о сохраненіи котораго они усиленно и напряженно стараются (тогда какъ по-настоящему не челоѣкъ сохраняетъ церковь, а церковь сохраняетъ челоѣвка). Но такое *carut mortuum*, такой предметъ, отдѣленный или отвлеченный отъ своего живого носителя (т. е. здѣсь отъ всей церкви), есть нѣчто только *мыслимое*, не имѣющее въ себѣ дѣйствительной силы. 2) *Безпоповцы* — это прямо и выражаютъ, утверждая, что за грѣхи челоѣческіе благодать Божія сокрылась отъ насъ и истинная церковь имѣетъ въ настоящее время лишь мысленное или умственное, а не существенное бытіе, утративъ тѣмъ самымъ и ту

видимость или наружность, какую она имѣла прежде. 3) Но если божественные предметы существуютъ теперь какъ только мысленные, т. е. не внѣ, а только внутри самого человѣка, а слѣдовательно и благодать Божія можетъ дѣйствовать только внутри же человѣка, то какое же значеніе можетъ имѣть вся эта прежняя наружность церковная, которую такъ почитаютъ старовѣры? Очевидно, эта наружность, которая не могла устоять передъ человѣческимъ беззаконіемъ, не имѣетъ уже никакой силы и не пользуется нисколько; итакъ, слѣдуетъ отбросить совсѣмъ «всякую наружность, яко ненужную въ дѣлѣ спасенія», и держаться исключительно внутренняго (субъективнаго) воздѣйствія Божества на человѣка, чисто личнаго вдохновенія, какъ это и утверждаютъ сектанты-мистики. По ихъ взгляду, Божество не имѣетъ въ мірѣ никакой собственной, пребывающей формы, а паходятъ такую форму только въ духовномъ дѣйствіи человѣка. Не случайно выбрали эти сектанты названіе для своего религіознаго дѣйствія (радѣніе); это названіе выражаетъ самую суть ихъ ученія, именно то, что благодать Божія добывается только *радѣніемъ* человѣческимъ или есть произведеніе напряженныхъ усилій самого человѣка. Но если обнаруженіе Божества зависитъ отъ человѣческаго дѣйствія, то вѣдь это послѣднее, именно какъ *человѣческое*, гораздо болѣе выражается въ нравственной, сознательно-разумной дѣятельности, нежели въ изступленныхъ состояніяхъ духа, вызванныхъ особаго рода тѣлесными упражненіями. Итакъ, исходя отъ человѣка и его человѣческаго дѣйствія, слѣдуетъ настоящимъ путемъ къ обожествленію признать не физическое, а *нравственное радѣніе*, т. е. добрыя дѣла и праведную жизнь, на чемъ и стоятъ сектанты-раціоналисты ⁵.

⁵ Указанная внутренняя связь между различными видами раскола не предполагаетъ непременно исторической преемственности между ними. Хотя несомнѣнно, что нѣкоторыя секты, напр. нѣтовщина, исторически вышедшія изъ старовѣрчества, представляютъ въ своемъ ученіи крайніе выводы сектантскаго раціонализма, но въ другихъ случаяхъ такіе крайніе выводы могли быть приняты безъ прямой зависимости отъ старовѣрчества. Ибо тотъ логическій ходъ мысли, который ведетъ оба буквализма старовѣровъ къ безусловной свободѣ крайнихъ сектъ — этотъ логическій ходъ какъ въ отдѣльныхъ людяхъ, такъ и въ цѣлыхъ группахъ людей, естественно совершался и совершается съ различной быстротой и съ большими или меньшими остановками на промежуточныхъ ступеняхъ. Это

Такимъ образомъ во всемъ расколѣ божественное начало въ насъ (присутствіе и дѣйствіе благодати) подчиняется нашему собственному человѣческому началу: въ видѣ человѣческаго преданія отъ отцовъ у старообрѣвъ, въ видѣ личнаго человѣческаго дѣйствія у свободныхъ сектантовъ. У старообрѣвъ божественное подмѣнивается человѣческимъ въ его прошедшемъ, въ преданіи мѣстной старины; у свободныхъ сектантовъ оно подмѣнивается человѣческимъ въ его настоящемъ, въ состояніяхъ и дѣйствіяхъ данныхъ человѣческихъ лицъ.

Итакъ, вотъ наконецъ дошли мы до самаго глубокаго корня этой великой нравственной болѣзни, до самоутвержденія человѣческаго начала въ христіанской церкви. Не въ томъ болѣзнь, что человѣческое начало обнаруживаетъ свое присутствіе и дѣйствіе въ церкви: оно должно присутствовать въ церкви христіанской, ибо само христіанство есть дѣло *богочеловѣческое*, но въ томъ болѣзнь, что человѣческое здѣсь становится на первомъ мѣстѣ, нарушаетъ свое должное отношеніе къ божественному, становится выше Бога. Окончательное соединеніе божественнаго со всемъ человѣческимъ, полное Его воплощеніе въ формахъ нашей жизни есть *цѣль* христіанства, но признавать эту еще далекую цѣль уже достигнутою значить только задерживать ея дѣйствительное достиженіе. Въ томъ великая неправда раскола, что, смѣшивая безконечную полноту богочеловѣчества съ ограниченной частицей нашей дѣйствительности (въ прошедшемъ или настоящемъ), онъ объявляетъ вселенское дѣло Христова исполненнымъ и самовольно и безвременно говорить: *совершишиася*.

Воистину Христосъ войдетъ въ городъ Свой и совершитъ всемирную вечерню съ возлюбленными Своими. Но въ-время ли кричать *осанна* — когда весь Іерусалимъ еще спитъ, когда въ притворѣ храма дремлютъ торгующіе подъ лавками своими, когда горница не выметена и не убрана и даже одичавшій осленокъ еще гуляетъ на волѣ? И едва ли поймаютъ его мнимо-свободные христіане, которымъ прежде должно позаботиться, чтобы ихъ собственная духовная свобода не превратилась въ свободу дикаго животнаго.

Послѣ того, какъ богочеловѣческая истина воплотилась и явилась въ нашемъ человѣчествѣ, настоящая задача этого послѣдняго со-

---

есть дѣло исторіи раскола, для насъ же собственно важно внутренняя солидарность всѣхъ сектъ, поскольку всѣ онѣ основаны на обособленіи и самоутвержденіи человѣческаго начала въ религіи.

стоитъ не въ томъ, чтобы открывать самому что-нибудь новое, а въ томъ, чтобы пересоздать себя сообразно уже дарованной ему истинѣ. И это есть великое и трудное дѣло, для котораго нужна великая и крѣпкая опора; и на что же опереться человѣчеству въ этомъ Божьемъ дѣлѣ, какъ не на силу и дѣйствіе самого живого Бога? Но живой Богъ не связанъ ограниченнымъ временемъ и мѣстомъ, чрезъ которыя Онъ дѣйствуетъ. Дѣйствіе Его и откровеніе, когда бы и гдѣ бы оно ни происходило, живетъ во всѣ времена и для всѣхъ родовъ, и на этомъ-то вселенскомъ Его откровеніи и должно намъ стоять, какъ на незыблемомъ основаніи для возсозданія нашей жизни по образу и подобию жизни божественной. Мы сами и вся жизнь наша есть продолженіе прежде бывшаго, мы не творцы, а наслѣдники богочеловѣческой жизни на землѣ; можно и должно намъ приращать это наслѣдство, но для этого прежде всего должны мы принять и опознать дарованное, чтобы было послѣ на чемъ и чѣмъ трудиться. Одинаково несостоятельны поэтому и тѣ, которые говорятъ, что мы не должны совсѣмъ ничего сами дѣлать, при чемъ сейчасъ же себя и опровергаютъ, ибо такое усиленное утверженіе своего бездѣйствія, какъ чего-то обязательнаго, есть уже нѣкоторое дѣйствіе съ ихъ стороны, а равно несостоятельны и тѣ, которые утверждаютъ, что въ дѣлѣ спасенія мы должны все дѣлать сами собою, тогда какъ мы потому только и нуждаемся въ спасеніи, что потеряли свое собственное духовное хозяйство и не имѣемъ въ самихъ себѣ полной воли. Несостоятельны старовѣры, заботящіеся не о самомъ унаслѣдованномъ сокровищѣ, а лишь о сохраненіи его прежняго вида, вслѣдствіе чего они его и теряютъ, ибо это есть наслѣдіе живое и мертвой кости не выносить; еще несостоятельнѣе свободные сектанты, прямо выбрасывающіе унаслѣдованное достояніе, чтобы самимъ сначала наживать его, забывая, что если каждый будетъ начинать дѣло сызнова, то некому будетъ дойти до цѣли.

Въ древнемъ мірѣ іудеи держались одного преданія, а эллины искали истины собственными усиліями. Христосъ, явившись во плоти и сочетавши Себѣ человѣчество въ церкви, и преданіе исполнилъ, и свободнымъ усиліемъ человѣческимъ далъ незыблемую почву и указалъ истинную цѣль. И не подобаетъ принявшимъ цѣльную истину Новаго Завѣта опять разрывать нешитую ризу Христову и возобновлять древнее раздѣленіе или коснѣя въ мертвыхъ преданіяхъ человѣческихъ или ища самодѣльной человѣческой премудрости. Въ церкви

всемірной есть мѣсто для всего человѣческаго, только нужно, чтобы это человѣческое прилагалось къ дѣлу Божию, а не къ своевольнымъ и случайнымъ задачамъ. Дѣло же Божіе требуетъ только свободного *согласія* отъ воли человѣческой, чтобы она не налагала на него своихъ произвольныхъ границъ и опредѣленій — личныхъ, народныхъ или какихъ иныхъ; но всѣ эти человѣческія особенности, раскрываясь передъ дѣйствіемъ Божиимъ, должны стать частными *способами* для полного откровенія богочеловѣческой жизни.

Мы видѣли, что въ расколѣ человѣческое, смѣшиваясь съ Божиимъ, постепенно беретъ надъ нимъ перевѣсъ, а наконецъ и совсѣмъ вытѣсняетъ все божественное изъ сектантской религіи, превращая ее въ дѣло одного человѣческаго разсужденія. Случайныя дѣла церковныхъ людей и даже болѣе общія и глубокія несовершенства въ жизни видимой церкви, дѣйствительно существовавшія и доселѣ въ ней существующія, всѣ эти несовершенства, относясь не къ самому существованію церкви, а лишь къ человѣческой и временной ея сторонѣ, суть лишь тотъ прахъ земли, который на историческомъ торжищѣ покрылъ Христову жемчужину. И когда раскольники, за этою пылью не видя самой жемчужины бросаютъ ее съ враждой и презрѣніемъ, то они именно этимъ и обнаруживаютъ, что земное для нихъ уже заслонило собою божественное, а слѣдовательно и всѣ ихъ дальнѣйшія дѣйствія въ направленіи раскола, хотя бы искреннія и по человѣчеству извинительныя, необходимо становятся чужды для дѣла Божія.

Всего яснѣе это и очевиднѣе у старовѣровъ-поповцевъ, которые отдѣляются отъ церкви, несмотря на то, что сами признаютъ въ ней присутствіе и дѣйствіе божественной благодати, которою они и стараются косвеннымъ образомъ пользоваться, не приобщаясь ей прямо. Ибо, принимая въ теченіе двухъ вѣковъ обглыхъ священниковъ тѣмъ же чинномъ, какъ способныхъ совершать таинства благодатию священства въ силу рукоположенія, полученнаго этими священниками въ «господствующей» церкви, а въ новѣйшее время, при учрежденіи блокриницкой іерархіи, принявъ на томъ же основаніи и епископа изъ греческой церкви, какъ принесшаго съ собою оттуда даръ преемственнаго отъ апостоловъ рукоположенія, старовѣры-поповцы поневолѣ показали этимъ, что признаютъ у греко-россійской церкви пребывающую благодать Духа Божія въ совершеніи Св. Таинъ, а это самое и есть *божественное* основаніе церкви, начатокъ и залогъ небеснаго царствія. Если же божественное въ церкви, т. е. самая ея

суть, по собственному, хотя и безсчетному признанію этихъ раскольниковъ, осталась цѣлою и нерушимою, то, отдѣляясь отъ нея, они сами отдѣляютъ себя отъ божественнаго. И однакоже потребность въ этомъ божественномъ еще сильна въ нихъ! Всѣ эти натяжки и усилія ихъ, чтобы какъ-нибудь добыть себѣ благодать таинствъ, всѣ эти бѣглые попы и тайные австрійскіе архіереи, все это только показываетъ, какъ для нихъ важно и незамѣнимо то, чего они себя лишили.

Правда, поповцы, поневолѣ признавая, что наша церковь сохраняетъ путь Христовъ (въ преемствѣ іерархіи) и обладаетъ жизнью Христовой (въ благодати таинствъ), увѣряютъ, что она погрѣшила въ Христовой истинѣ введеніемъ какихъ-то новыхъ догматовъ. Но это уже потому невозможно, что съ самыхъ временъ иконоборчества въ Восточной церкви не было даже вопроса и сужденія ни о какихъ догматахъ. Такъ какъ въ нашей церкви догматы вѣры опредѣляются вселенскими соборами, а вселенскихъ соборовъ съ VIII вѣка не было, то, слѣдовательно, со времени послѣдняго (седьмого) вселенскаго собора (въ 787 г.) и до сего дня церковь не имѣла возможности опредѣлить никакого догмата и уже по этой одной причинѣ никакъ не могла впасть ни въ какое догматическое заблужденіе или ересь; по-сему если бы даже тѣ догматическіе пункты, которые выставляются раскольниками противъ церкви, и заключали бы въ себѣ дѣйствительно какія-нибудь неправославныя мнѣнія, то эти мнѣнія должны быть приписаны только тѣмъ лицамъ, которыя ихъ высказывали, а никакъ не всей церкви.

Итакъ, если догматически погрѣшить противъ истины Христовой наша церковь не имѣла никакой возможности, а путь Христовъ въ преемствѣ іерархіи и жизнь Христову въ благодати таинствъ должны признать за нею сами поповцы, то спрашивается, что же столь важное можетъ отдѣлить ихъ отъ церкви? Остается: память старыхъ обидъ, клятвы московскаго собора 1667 года, воспоминаніе о бывшихъ гоненіяхъ и негодованіе на продолжающіяся стѣсненія⁶.

Но пусть клятвы московскаго собора были бы несправедливы, пусть гоненія на раскольниковъ были бы еще ожесточеннѣе, что же отсюда слѣдуетъ для самихъ раскольниковъ? Духовныя и граждан-

⁶ Съ тѣхъ поръ, какъ это написано, Верховная власть значительно облегчила прежнія узаконенія противъ раскольниковъ, такъ что теперь имъ мало поводовъ жаловаться.

скія власти въ Россіи въ извѣстную эпоху дурно поступали противъ нихъ, а они за это уходятъ отъ *вселенской* церкви! Іерархи, какъ *управители* церковныхъ дѣлъ, оказались несправедливыми къ нимъ, а они отдѣляются отъ этихъ іерарховъ и какъ отъ органовъ и проводниковъ божественной благодати, каковыми однакоже продолжаютъ (поповцы) признавать ихъ! Трудно найти здѣсь сообразность между дѣйствіемъ съ той и съ другой стороны. Противъ старовѣровъ погрѣшили люди, а они разрываютъ союзъ съ Божьею благодатью; другіе ихъ обидѣли вещественно, а они за это подвергаютъ сами себя духовному вреду. Если только признано (а поповцы вполнѣ это признаютъ), что церковь, несмотря ни на какіе неправды и грѣхи своихъ представителей, не теряетъ божественной благодати (въ таинствахъ и проч.) и что «господствующая» церковь дѣйствительно обладаетъ этою благодатью, то какія же тогда человѣческія соображенія могутъ быть достаточно сильны, чтобы отдѣлнить вѣрующаго отъ этого вмѣстилища Божіихъ даровъ? Но эти люди на одни и тѣ же вѣсы кладутъ божественную благодать и человѣческія обиды, и вотъ человѣческое у нихъ перевѣсило. Но и по-человѣчески должно быть послѣдовательнымъ: или, отчуждаясь отъ греко-россійской церкви, какъ отъ неистинной и еретической, должно (вмѣстѣ съ безпоповцами) признать ее лишенною благодати и таинствъ и тогда уже и не пскать въ ней этого и отказаться отъ бѣглыхъ поповъ и австрійскихъ архіереевъ, черезъ которыхъ только подбираютъ крупицы, падающія съ трапезы «господствующей» церкви: или же, если признано, что эта церковь обладаетъ источникомъ божественной благодати, не должно отходить отъ него, не должно отказываться отъ самой живой воды изъ-за спора о формѣ сосудовъ, которыми ее черпаютъ.

Для ищущихъ въ церкви таинственныхъ даровъ Божіей благодати, для признающихъ, что церковь основывается на этихъ дарахъ, — для такихъ обязательно переступить черезъ мертвыя дѣла церковныхъ людей и обратиться къ *самой* церкви, какъ храму Бога живыхъ. Если же этимъ мервымъ дѣламъ человѣческимъ придается такое великое значеніе, что за ними исчезаетъ сама благодать Божія, тогда уже слѣдуетъ прямо признать, что погрѣшности въ церковныхъ дѣлахъ лишили церковь всего божественнаго, что въ ней уже не только нѣтъ истинной вѣры, но нѣтъ и настоящей іерархіи, нѣтъ и подлинныхъ таинствъ, т. е. что нѣтъ уже болѣе истинной церкви на землѣ, какъ это и утверждаютъ безпоповцы.

Здѣсь расколъ болѣе послѣдователенъ и тѣмъ яснѣе обнаруживаетъ свое человѣческое начало. По убѣжденію безпоповцевъ, православная церковь съ 1666 года за людскіе грѣхи, т. е. собственно за грѣхи русскихъ іерарховъ, измѣнившихъ старому обряду и преслѣдовавшихъ его приверженцевъ, лишена самой благодати Божіей и перестала быть христіанскою церковью. Такимъ образомъ благодати Божія понимается здѣсь какъ воздаяніе за человѣческую праведность, и дѣйствіе Божіе положительно обусловливается дѣйствіемъ человѣческимъ. Присутствіе или отсутствіе божественной благодати въ церкви по этому взгляду прямо зависитъ отъ степени нравственнаго совершенства членовъ церкви, а это значитъ признать, что человѣкъ спасается собственной праведностью, что равносильно полному отверженію самой благодати, т. е. божественнаго начала въ церкви; ибо оно состоитъ именно въ томъ, что Божество собственной силою дѣйствуетъ на человѣчество, чтобы спасти его отъ грѣха и привести къ оправданію и возрожденію, чего человѣкъ самъ собою достигнуть не можетъ; а если бы благодать могла дѣйствовать только *вслѣдствіе* праведности человѣческой, то ей никогда не пришлось бы и дѣйствовать, ибо для того, чтобы стать праведнымъ, человѣкъ *уже нуждается* въ дѣйствіи благодати, такъ что признавать начало благодати и вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливать его человѣческою праведностью значитъ впадать въ безвыходный кругъ.

Утверждающимъ, что церковь лишена благодати, должно быть извѣстно, что есть благодать по ученію христіанскому. Они должны знать, что благодатное дѣйствіе Божіе обусловлено со стороны человѣка не праведностью или какими-нибудь положительными заслугами, а напротивъ, признаніемъ нашей грѣховности и желаніемъ правды Божіей, чувствомъ нашей беспомощности и обращеніемъ къ Божественной помощи, — короче сказать, здѣсь дѣйствіе человѣка состоитъ только *въ добровольномъ согласіи* на дѣйствіе Божіе. Что же теперь выходитъ по утвержденію безпоповцевъ? Въ десяткахъ тысячъ храмовъ милліоны христіанъ, хотя и грѣшныхъ, но искренно вѣрующихъ и благочестивыхъ, съ усердною молитвою во имя Христова приступаютъ къ церковнымъ священнодѣйствіямъ; эти милліоны простыхъ людей отдаются Божіей благодати съ сердечнымъ желаніемъ, всею душою соглашаются на дѣйствіе Божіе и смиренно ожидаютъ его. И вотъ, оказывается, все это напрасно; напрасны ихъ молитвы и смиренныя желанія, напрасна ихъ преданность волѣ Божіей и все

ихъ благочестіе: они только себя обманываютъ, Божество навсегда отвернулось отъ нихъ, не слышитъ ихъ молитвъ и не даетъ имъ своихъ даровъ. И почему же? Постоуму что когда-то, на какихъ-то московскихъ соборахъ, о которыхъ они и понятія не имѣютъ, кто-то кого-то будто бы несправедливо проклялъ!

Возстаютъ бесполовцы противъ іерархіи церковной, якобы отнявшей своими грѣхами благодать Божию у всей церкви Христовой, но самую чрезмѣрностью подобнаго обвиненія они придаютъ этой іерархіи такое огромное и исключительное значеніе, на какое она и сама не имѣетъ притязанія. По понятію бесполовцевъ за неправильныя дѣйствія нашего церковнаго правительства вся церковь лишена самой благодати Божіей, а это значить, что вся сила и все значеніе церкви (не по человѣчеству только, но и по Божеству) заключается въ однихъ правителяхъ церковныхъ, которые являются такимъ образомъ безусловными владыками, держащими въ рукахъ своихъ жизнь и смерть духовную всего тѣла Христова. Но если такъ, если въ нихъ вся сила церкви, то какъ могли они погрѣшить, когда церковь Божія по Писанію свята и непоколебима? Если же іерархія сама по себѣ, *въ отдѣльности взятая*, еще не составляетъ всей церкви, тогда, въ какія бы практическія уклоненія или ошибки ни впадали іерархи какой-либо церкви, хотя бы и въ многочисленномъ собраніи соединенные, — они впадаютъ въ эти погрѣшности только какъ *управители церковныхъ областей*, но не какъ *священники церкви*, и эти ихъ погрѣшности не могутъ упразднить благодати Божіей, подаваемой всей церкви въ божественномъ значеніи.

Воистину велико значеніе іерархіи въ церкви, но это значеніе двойственно, и весьма важно различать и здѣсь двѣ стороны — божескую и человѣческую. По божественному избранію (черезъ рукоположеніе преемственно переходящему) — проводники таинственной благодати и служители вѣчныхъ благъ, они суть по человѣчеству правители и устроители явныхъ и насущныхъ дѣлъ церкви, дѣятельные руководители своей паствы на временномъ ея пути къ вѣчной цѣли. Это двойственное значеніе духовнаго чина проходитъ черезъ цѣлый составъ его и легко можетъ быть различено во всякомъ представителѣ духовной власти. Всякій епископъ и всякій священникъ, стоящій на пути Христовомъ и «дверьми входящій во дворъ овчій», т. е. получившій свое званіе правильнымъ іерархическимъ преемствомъ, есть тѣмъ самымъ свидѣтель истины Христовой и проводникъ

даровъ Христовой жизни въ таинствахъ. Для этого онъ не нуждается ни въ какихъ особенныхъ человѣческихъ качествахъ, и совершаемыя имъ священнодѣйствія имѣютъ свою силу независимо отъ его личныхъ свойствъ и дѣлъ; ибо здѣсь прямо дѣйствуетъ всеединая Божественная благодать, та безконечная благость, которая одинаково сіяетъ надъ добрыми и злыми, одинаково одаряетъ праведныхъ и неправедныхъ. Но всякій священнослужитель отъ простого іерея и до вселенскаго патріарха, сообщая ввѣренной ему общинѣ таинственные дары Божіи, имѣетъ *вмѣстѣ съ тѣмъ* призваніе заботиться и о томъ, чтобы вся явная человѣческая жизнь этой общины (отъ прихода и до автокефальной церкви) сообразовалась съ божественнымъ началомъ и все болѣе и болѣе проникалась имъ, и въ совокупности своей представители церкви имѣютъ призваніе привлекать все человѣческое въ мірѣ къ вѣчному идеалу Христову и вводить все земное въ божественную норму. И эта сторона іерархическаго служенія при сокровенномъ дѣйствіи благодати нуждается и въ явномъ приложеніи человѣческихъ силъ къ дѣлу Божію; здѣсь преимущественно требуется отъ іерарховъ дѣятельное участіе пхъ ума и воли. Чтобы человѣческую общественность, доселѣ преисполненную всякой языческой мерзости, *очистить* и вонстину окрестить — нужны правителямъ церковнымъ чрезвычайныя нравственныя силы и практическія способности; для того, чтобы всѣмъ человѣческимъ наукамъ, доселѣ блуждающимъ по стихіямъ міра, *освятить* дорогу къ божественной истинѣ, потребны усилія высокихъ умовъ и средства обширнаго знанія; для того, чтобы художество человѣческое, служащее или отвлеченной красотѣ или даже низкой чувственности, *освятить* и превратить въ священное искусство, нужны особенныя способности къ религіозному творчеству. Вообще же, для того, чтобы все человѣческое привлечь и ввести въ ограду Божію, пастыри церкви, основываясь на Божественной благодати, должны еще проявлять и всевозможныя человѣческія силы: но силы человѣческія суть нѣчто относительное и имѣющее множество различныхъ степеней, а потому и все человѣческое служеніе іерарховъ, какъ правителей, учителей и зиждителей церкви, имѣетъ множество степеней совершенства. Они могутъ исполнять это свое призваніе болѣе или менѣе успѣшно, могутъ идти прямо къ цѣли, или же въ той или другой мѣрѣ уклоняться и задерживать ходъ дѣла Божія въ мірѣ — совершеніе воли Его на землѣ — и вслѣдствіе этого, такъ или иначе измѣняя внѣшнее положеніе види-

мой церкви, могутъ различнымъ образомъ вліять на всю судьбу христіанскихъ народовъ, во главѣ которыхъ они находятся; такъ что здѣсь возможенъ и законенъ вопросъ: въ какой мѣрѣ данная іерархія исполняетъ свою великую задачу на землѣ, или насколько она удовлетворяетъ въ данное время своему высокому призванію. Напротивъ того, божественное служеніе іерархіи, т. е. сообщеніе Божіей благодати въ таинствахъ, будучи само по себѣ неизмѣннымъ и независимымъ отъ дѣлъ человѣческихъ, не можетъ зависѣть и отъ того, въ какой степени удовлетворительно исполняетъ іерархія свое другое, человѣческое дѣло — управление церковью и т. д. И хотя благодать таинствъ, неизмѣнно и всѣмъ одинаково черезъ священство подаваемая, въ различной степени усваивается различными людьми, но это уже не во власти священнодѣйствующаго и не къ нему относится.

Если теперь спросить безпоповцевъ, въ какой же сторонѣ своего служенія — божественной или человѣческой — погрѣшила, по ихъ мнѣнію, русская іерархія, то не видно, какой бы могли они дать удовлетворительный отвѣтъ. Ибо если скажутъ, что въ божественной части, то нужно будетъ показать, или что вся русская іерархія вдругъ отказалась совершать должнымъ образомъ св. таинства, или что весь священный чинъ сталъ повиненъ въ такихъ злодѣяніяхъ, за которыя по божескимъ и человѣческимъ законамъ слѣдуетъ обнаженіе священства. А такъ какъ ничего подобнаго никогда не было, то и придется имъ отвѣчать, что уклоненія русской іерархіи касались до человѣческой части ея служенія, т. е. что іерархія сія неудовлетворительно управляла человѣческими дѣлами церкви, а однако вслѣдствіе этого церковь лишилась божественной благодати; но это было бы, какъ мы знаемъ, прямо противно христіанскому понятію о благодати, какъ независящей отъ дѣлъ человѣческихъ.

Человѣческая, слѣдовательно временная, измѣняющаяся дѣятельность духовныхъ правителей можетъ имѣть и вліяніе лишь на человѣческое же, временное и измѣняющееся состояніе управляемыхъ, но никакъ не можетъ давать или отнимать, увеличивать или уменьшать вѣчные (по значенію своему) и безотносительные дары Божественной благодати. Утверждать противное значитъ не только всю силу церкви переносить на іерархію (что еще допустимо въ извѣстномъ смыслѣ), но значитъ всю божественную сущность и назначеніе какъ церкви вообще, такъ и самой іерархіи, поставлять въ прямую

зависимость отъ ея человѣческихъ дѣлъ, что уже совершенно противно христіанству.

Не избѣгнуть такого заключенія безпоповцамъ и въ томъ случаѣ, если они скажутъ, что благодать оставила церковь не за одни только неправильныя дѣйствія іерархіи, но и за грѣхи и нечестіе всего православнаго народа; ибо себя самихъ, какъ сохранившихъ древнее благочестіе, они исключаютъ изъ числа виновныхъ, — но тогда почему же церковь не помилована за ихъ праведность? Если они вправду сохранили древнее благочестіе, то должны были бы сохранить и благодать таинствъ и всю полноту церковной жизни; а если они ея лишились, то это по собственному ихъ взгляду доказываетъ, что и они виновны противъ Бога и царствія Его, а въ такомъ случаѣ по какому праву отдѣляются они отъ другихъ и весь остальной христіанскій народъ включаетъ въ царство антихристово, а себя однихъ признаютъ избранниками Божиими? Какое же это избраніе, когда даже первоначальные дары Божіи, и младенцамъ подаваемые, у нихъ отняты? И если благодать Божія (какъ это выходитъ по ихъ ученію) есть плодъ человѣческой правдивости, то гдѣ же плоды ихъ праведности? Но въ томъ и дѣло, что она здѣсь не при чемъ. Ибо никогда не было такого времени и не можетъ быть, чтобы церковь Божія стояла на человѣческой праведности. Если даже во главѣ первой христіанской общины находился человѣкъ, трижды отрекшійся отъ Христа, человѣкъ, которому прежде того Христосъ сказалъ: «иди за мною, сатана, соблазнъ ми еси: яко не мыслиши яже (суть) Божія, но человѣческая», — человѣкъ, котораго и впоследствии, уже послѣ Пятидесятницы, другой апостолъ уличилъ въ «лицемѣріи»⁷, — то что же сказать о временахъ послѣдующихъ? Воистину дѣло спасенія отъ одного Бога, какъ сказано: «помилую его же еще помилую и ущедрю его же еще ущедрю. Тѣмъ же убо ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога». Не то этимъ говорится, чтобы отъ человѣка ничего не требовалось, но отъ него требуется именно самоотверженіе, т. е. отрицаніе *своей* праведности; это и есть первое нравственное условіе христіанской жизни и благодатнаго общенія съ Богомъ.

Если бы дѣйствіе благодати зависѣло отъ человѣческой праведности, то въ видимой церкви *никогда* не могла бы дѣйствовать бла-

⁷ Посл. къ Галатамъ, гл. II, 11—15.

годать Божія; если же такой зависимости нѣтъ, то благодать и теперь дѣйствуетъ во всей церкви, несмотря ни на какія человѣческія неправды и грѣхи народа и іерархіи. Итакъ, должно бы безпоповцамъ или воссоединиться съ существующею церковью, какъ сохраняющею благодать, или же отвергнуть всякую церковь, не только въ настоящемъ, но и въ *прошедшемъ*.

Послѣдовательнѣе поэтому поступаютъ тѣ секты, которыя, не удовлетворяясь существующею церковью, всецѣло ее отрицаютъ и признаютъ, что Божество для Своего благодатнаго дѣйствія *никогда* не избирало широкаго русла вселенской церкви, а всегда пробивалось отдѣльными ключами личныхъ и частныхъ откровеній, сообщаясь отдѣльнымъ избранникамъ — основателямъ и руководителямъ той или другой секты. Таково отношеніе къ церкви *мистическихъ сектъ* (хлыстовъ, скопцовъ, духоборцевъ и др.). То, во что они полагаютъ сердца свои — прямое и полное общеніе человѣка съ Божествомъ и обоженіе твари, — обѣщано человѣчеству, но не внѣ церкви, и начатокъ исполненія дается въ благодати таинствъ, сущей въ церкви. Это есть дѣйствіе Божіе, даромъ получаемое, отъ нашихъ дѣлъ независящее; полнота же совершенства для насъ — *въ свободномъ усвоеніи* этого дѣйствія, такъ чтобы дѣйствительность человѣческая соответствовала божественному дѣйствію, и такого совершенства человѣчество должно усиленно *достигать*. Ибо какъ таинственная благодать Божія даромъ дается, такъ явное царствіе Божіе силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаются его. Одно желаніе и мечты здѣсь недостаточно, — намъ нужна духовная сила, а первое условіе силы есть единство; зачѣмъ же вмѣсто того, чтобы стараться о воссоединеніи раздѣленнаго, станемъ мы уже бывшую связь разрывать своимъ отдѣленіемъ отъ церкви?

Дѣло обоженія есть общее дѣло всего человѣчества и совершаемо можетъ оно быть только въ общеніи и любви, — а это-то и нарушаютъ сектанты и тѣмъ задерживаютъ человѣчество на пути спасенія, сами ничего не достигаютъ и другимъ мѣшаютъ.

Они отвергаютъ церковь за то, что она для нихъ есть внѣшняя и плотская, а они сами внутренніе, духовные христіане. Пусть это правда; но такъ какъ нѣтъ и не можетъ быть внутренняго безъ наружнаго, сущности безъ формы, духовнаго безъ тѣлеснаго, то почему же они — внутренніе и духовные — отвергаютъ насъ — наружныхъ и плотскихъ? Богословы признаютъ Бога духомъ безтѣлеснымъ,

ибо Богъ, какъ *вседержитель*, все въ себѣ заключающій и ничѣмъ не ограниченный, не можетъ имѣть и тѣла въ нашемъ смыслѣ, однако и сверхсущее Божество никогда не пребываетъ въ скрытомъ и неизреченномъ Своемъ первоначалѣ, но отъ вѣка обнаруживается и раскрывается въ Пресвятой Троицѣ рожденіемъ Слова и исхожденіемъ Духа Святаго; и не ограничиваясь этимъ предвѣчнымъ самоотверженіемъ, Богъ и во временныхъ вѣкахъ открываетъ силу и славу Свою твореніемъ міра видимаго и невидимаго (для насъ), созидаетъ Себѣ въ человѣкѣ явный образъ и подобіе и наконецъ все величіе Своей божественности показываетъ не въ отверженіи, а въ воспріятіи Спасителя нашего Иисуса Христа, въ Немъ же обитаетъ вся полнота Божества *плесно*.

Посему, когда въ Св. Писаніи порицается плотской человѣкѣ, то порицаемое есть способъ его жизни, а никакъ не форма человѣческаго тѣла, въ которой можно вести и святую жизнь. Эта форма сама по себѣ есть храмъ Духа Святаго, и Христось по воскресеніи Своемъ явился въ настоящемъ человѣческомъ, хотя и духовномъ тѣлѣ. Но если и сами сектанты признаютъ достоинство человѣческой формы какъ образа богоявленія (а нѣкоторые изъ нихъ настолько признаютъ это, что даже воздаютъ другъ другу божеское поклоненіе), то это же самое разсужденіе должно бы имъ распространить и на церковь, которая также есть тѣло или *богочеловѣческая форма*. Когда подъ этой формой сектанты видятъ дурную жизнь христіанскаго человѣчества, то хорошо дѣлаютъ, обличая и исправляя ее и словомъ и дѣятельнымъ примѣромъ лучшаго. Но когда свое осужденіе стѣ дурной жизни церковныхъ людей они переносятъ на самую существенную форму церкви (образуемую ея таинствами, богослуженіемъ, преемствомъ іерархіи и пр.), то совершенно несправедливо поступаютъ, ибо въ этой формѣ самой по себѣ не могутъ они указать ничего худого или нечистаго.

И не безразлична эта форма церковная въ дѣлѣ спасенія; ибо есть въ ней нѣчто такое, что дѣлаетъ ее неизбѣжнымъ *нравственнымъ* условіемъ для того, чтобы черезъ насъ дѣйствовалъ Духъ Божій. Первое условіе и непрѣмѣнный признакъ нравственно-добраго дѣйствія есть самоотверженіе, т. е. чтобы не изъ себя, не въ свое имя дѣйствовать. Нравственный первообразъ человѣчества — Христось, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но добровольнымъ самоотверженіемъ до конца подчинился волѣ пославшаго Его. И укрѣп-

ленная на этомъ основаніи іерархическая форма церкви представляетъ собою (какъ было выше показано) такую цѣль благодатнаго дѣйствія, въ которой ни одно звено не творитъ волю свою и не уполномачиваетъ себя къ дѣйствию, но получаетъ это полномочіе *отъ црляго чрезъ другихъ*. Такое безусловно нравственное начало (самоотверженіе Сына Человѣческаго) сообщаетъ іерархическому пути церкви Его божественный характеръ. Рѣзкій примѣръ противоположнаго представляютъ сектанты, называющіе себя «людьми Божиими»: основателемъ своей секты они имѣютъ человѣка, который объявилъ себя верховнымъ богомъ-саваоомъ и тѣмъ отнялъ у себя и своихъ послѣдователей самый источникъ всякаго добра, ибо, признавая себя верховнымъ богомъ, принужденъ былъ самъ о себѣ свидѣтельствовать и во имя свое дѣйствовать, такъ не могло уже быть для него никого высшаго, кто бы свидѣтельствовалъ о немъ и въ чье имя онъ бы дѣйствовалъ.

Подобное же происходитъ и съ другими сектами; ибо всѣ онѣ основываются людьми, которые, въ противоположность Христу, восхищеніемъ неощущаютъ быти равны Богу. Такимъ образомъ теряется здѣсь нравственное условіе для таинственнаго общенія человѣка съ Божествомъ. вмѣсто нравственнаго остаются только одни *физическія* условія этого дѣла. И вотъ мы видимъ, что крайняя духовность мистическихъ сектъ переходитъ въ крайній матеріализмъ. Служеніе Богу духомъ и истиною сводится къ однимъ тѣлеснымъ движеніямъ — верченію, круженію, скаканію и т. п., и самое общеніе Божества съ человѣкомъ получаетъ характеръ чисто-механическаго процесса: Духъ Святый «накатываетъ» на «людей Божіихъ», а нѣкоторые изъ нихъ, какъ извѣстно, дошли до того, что все дѣло спасенія ставятъ въ зависимость отъ болѣзненной физической операціи. Здѣсь и первое условіе обожествленія есть физическій актъ, или подавляющій тѣлесную жизнь (у скопцовъ), или возбуждающій ее (у хлыстовъ), и высшее проявленіе достигнутой божественности есть также нѣкоторое состояніе физическаго блаженства, въ которомъ и полагается все дѣло спасенія.

Велико значеніе тѣлесной жизни и по ученію церкви; но и съ худой и съ доброй стороны тѣлесная жизнь признается церковью лишь въ связи съ нравственнымъ началомъ и въ зависимости отъ него. Какъ начало зла церковь видитъ не въ матеріи, а въ человѣческой волѣ, такъ въ ней же полагается и начало спасенія —

именно въ самоотверженіи воли, принимающей благодать. Поэтому подавленіе плоти (тѣсный подвигъ) является въ церкви лишь вспомогательнымъ средствомъ нравственнаго подвига (обращенія воли), а соотвѣтственно этому и вознесеніе плоти (райское блаженство въ воскресемъ тѣлѣ) ожидается лишь какъ вѣнецъ духовной побѣды — какъ крайнее выраженіе возстановленной внутренней правды. Въ противоположность этому сектанты-мистики, исходя изъ усиленнаго и напряженнаго отрицанія плоти, въ которой они видятъ самостоятельное начало зла, тѣмъ самымъ придаютъ этой плоти чрезвычайное значеніе и, будучи ею постоянно заняты, теряютъ свободу духа, и проклинаящіе плоть становятся ея рабами, ибо, опираясь на аскетизмъ безъ духовнаго подвига, они ищутъ блаженства безъ нравственной правды. Что не таковъ путь истинной жизни, это показалъ намъ Сынъ Человѣческій, котораго и они признаютъ для себя образцомъ. Они считаютъ Евангеліе изображеніемъ или «картиной» духовнаго процесса; и такъ пусть посмотрятъ, что изображено на этой картинѣ.

Первымъ дѣйствіемъ Христа, по евангельскому повѣствованію, былъ актъ послушанія земнымъ Его родителямъ: «и сниде съ нима и прииде въ Назаретъ, и бѣ повинуся има». А сектанты наши начинаютъ съ того, что встаютъ противъ матери-церкви и уходятъ изъ Назарета, и не хотятъ возвращаться; конечно, они слишкомъ исполнены духовной мудрости для такого бѣднаго мѣста, но и Христось удивлялъ всѣхъ разумомъ и отвѣтами Своими, и слова Его были выше разумнія родныхъ Его, — однако же вернулся съ ними въ Назаретъ. Далѣе передъ началомъ Своего служенія удаляется Онъ въ пустыню, но не для того только, чтобы поститься сорокъ дней, а для того, чтобы испытать и побороть лукаваго духа: «тогда Исусъ возведенъ бысть духомъ въ пустыню, искуситься отъ діавола», сказано въ Евангеліи; и боролся Онъ противъ искусителя одною силою духа и слова Божія и побѣдилъ его; а они, имѣя того же врага, не такъ съ нимъ воюютъ: противъ духа выходятъ съ вещественнымъ оружіемъ и либо бросаютъ самое поле сраженія, либо прямо отдаются въ плѣнъ. Христось, преодолевъ искушеніе во всеоружіи духовныхъ силъ, не остается въ пустынѣ, хотя Ему тамъ и служили ангелы, но возвращается къ общей человѣческой жизни, дѣла Свои начинаетъ свѣтлымъ чудомъ въ Канѣ Галилейской, освященіемъ человѣческаго веселья и житейскаго общенія, и потомъ все Свое слу-

женіе проводить въ постоянномъ общеніи со всѣми людьми, помогая и благотворя имъ не только духовно, но и также исцѣляя и поддерживая ихъ тѣлесную жизнь; они же, хотя еще и не побѣдившіе врага, а скорѣе побѣжденные имъ, хотя еще и не пользующіеся служеніемъ ангеловъ, пребываютъ въ своемъ гордомъ уединеніи, отдѣляясь ото всѣхъ людей, никому не благотворя и никого не исцѣляя. Наконецъ, лишь завершивъ Свой земной подвигъ крайнимъ актомъ самоотверженія и все человѣческое въ Себѣ притволивъ ко кресту, пройдя чрезъ смерть и адъ, Сынъ Человѣческой достигаетъ воскресенія тѣла и нетлѣнной жизни въ блаженствѣ и славѣ Божества; они же теперь, ничего не совершивъ, ни за кого не положивъ души своей, какъ и всѣ, погруженные въ тину страстей и похотей, хотятъ уже вкушать полноту райскаго блаженства и небесныхъ радостей въ тѣлесномъ общеніи съ Богомъ! Воистину во всемъ поступаютъ они противно Христову Евангелію, и весь ихъ аскетизмъ, лишенный нравственнаго основанія, не приноситъ и не можетъ приносить никакихъ добрыхъ плодовъ.

Но вотъ во имя нравственнаго начала выступаютъ другіе сектанты, проповѣдники дѣятельной правды и добродѣтельной жизни. Конечно, не они первые дошли до того, что добро лучше зла, любовь лучше вражды, правда лучше обмана. Все, что они проповѣдуютъ, всегда проповѣдывалось и въ церкви. Но церковь обвиняется ими въ томъ, что она только проповѣдывала, а не исполняла нравственныхъ заповѣди. Итакъ, различіе между ихъ нравственнымъ ученіемъ и церковнымъ не въ сущности самого ученія, а лишь въ его практическомъ приложеніи. Высшее начало человѣческой добродѣтели и по церковному и по сектантскому ученію есть любовь. Въ жизни видимой церкви это начало любви далеко не вполне проявилось, а иногда и весьма тяжело нарушалось. Но вотъ, видя все это, видя, что масса христіанскаго человѣчества управлялась и доселѣ управляется не любовью, а враждою, люди, выступающіе во имя дѣятельной любви, поднимаютъ новую вражду, гордо отдѣляются ото всѣхъ и замыкаются въ свои особые секты. Это ли дѣятельная любовь? Чѣмъ болѣе, по ихъ мнѣнію, въ церкви оскудѣла нравственная жизнь, чѣмъ болѣе масса церковныхъ людей погружена въ своекорыстіе и пороки, тѣмъ болѣе нуждается она въ нравственной помощи; но вотъ люди, считающіе себя представителями правды и любви, вмѣсто того, чтобы прійти съ помощью, уходятъ съ враждою и презрѣніемъ...

Воистину въ сектантской проповѣди любви болѣе лицемѣрія, нежели истинной любви, ибо въ церкви заповѣдь любви, если нарушалась и нарушается, то лишь отдѣльными дѣйствіями ея членовъ, а у сектантовъ самое ихъ существованіе, какъ секты, основано на нарушении этой заповѣди любви, на враждебномъ отдѣленіи отъ ближнихъ своихъ. И если бы они въ оправданіе свое сказали, что не хотятъ отдѣляться отъ ближнихъ нравственно, а лишь избѣгаютъ церковнаго съ ними общенія, какъ основаннаго на мертвомъ обрядѣ и замѣняющаго добродѣтель богослуженіемъ, истину чудесами и жизнью таинствами, то и такое оправданіе окажется несостоятельнымъ. Ибо и богослуженіе и чудеса и таинства церковныя не исключаютъ нравственнаго дѣйствія, а напротивъ сами имѣютъ высшее нравственное значеніе. И, во-первыхъ, церковное богослуженіе уже самою общностью своею для всѣхъ православныхъ христіанъ проявляетъ начало любви и взаимнаго общенія и не только между всѣмъ множествомъ людей одновременно, но въ разныхъ мѣстахъ совершающихъ одинаковое богослуженіе, но также и со всѣми прошедшими поколѣніями, отъ глубокой старины то же совершавшими. Такимъ общеніемъ разрывается эгоистическая замкнутость отдѣльнаго лица и преодолеваются границы пространства и времени. И когда сами сектанты, не довольствуясь уединеннымъ общеніемъ каждаго человѣка съ Богомъ, допускаютъ у себя общія молитвенныя собранія, то они только суживаютъ и искажаютъ церковную форму, не будучи въ состояніи отъ нея отрѣшиться.

Но не въ одной этой формѣ заключается нравственное значеніе церковнаго богослуженія, это значеніе открывается и въ самомъ составѣ богослуженія. Когда сектанты, сводящіе религію къ одной дѣятельной нравственности, допускаютъ однако въ своихъ религіозныхъ собраніяхъ различныя молитвы и пѣснопѣнія, то вѣроятно ради того, что этими молитвами и гимнами выражаются и возбуждаются добрыя чувства, безъ которыхъ невозможны и добрыя дѣла; но должны они согласиться, что чѣмъ прекраснѣе молитва или пѣснь, тѣмъ она способнѣе возбуждать соотвѣтствующія чувства. Но молитвы и пѣсни церковныя (помимо взятыхъ прямо изъ Св. Писанія, почитаемаго и сектантами) составлены въ цвѣтущія времена христіанской жизни и имѣютъ высочайшее достоинство и по глубокому своему смыслу и по красотѣ выраженія. Когда, взамѣнъ этой христіанской поэзіи, наши сектанты произведутъ что-нибудь еще болѣе прекрасное.

тогда они будутъ правы и церковь отъ нихъ позаимствуется, а до тѣхъ поръ не должно бы бросать общее богатство, чтобы оставаться со своею скудостью. Слѣдуетъ также спросить, что болѣе нравственно: хранить память о нашихъ отцахъ по духу, великихъ подвижникахъ христіанства, воспроизводя ихъ въ изображеніяхъ, какъ это дѣлаетъ церковь, или же презирать ихъ и выбрасывать ихъ изображенія, какъ это дѣлаютъ сектанты? Что съ большею широтою и полнотою выражаетъ начало любви и взаимности: поддерживать ли духовныя сношенія въ вѣрѣ и молитвѣ съ умершими, распространяя и на нихъ союзъ христіанской любви (какъ это дѣлаетъ церковь), или же порывать всякую связь съ почившими отцами и братьями и тотчасъ же забывать о нихъ, преклоняясь передъ грубою силою смерти, какъ это дѣлаютъ сектанты? И когда они, отказываясь призывать святыхъ въ молитвахъ, говорятъ, что каждый угождаетъ Богу собственно для себя, и отказываясь помянуть умершихъ, говорятъ, что праведныхъ самъ Господь помянетъ во царствіи Своемъ, а о грѣшныхъ по смерти молиться бесполезно, то это ли есть высшая нравственность, это ли любовь? Воистину отверженіе церковнаго культа со стороны сектантовъ не въ силу нравственнаго происходитъ начала, а скорѣе показываетъ его слабость. Слабая вѣра въ это начало обнаруживается и въ ихъ отрицаніи чудесъ. Истинное христіанское чудо есть лишь фактическое торжество нравственной воли надъ безнравственнымъ (грѣховнымъ) порядкомъ въ вещественной природѣ. Если, въ силу грѣха, болѣзнь и смерть являются въ порядкѣ вещей, а кто-нибудь дѣйствіемъ воли, движимый любовью, испѣлить больного или воскресить мертваго, то такое чудо очевидно будетъ побѣдою благого начала надъ дурнымъ порядкомъ въ природѣ; и кто вѣритъ въ это благое начало (т. е. въ Бога) и Его, а не дурной механизмъ видимаго міра признаетъ за истину, тотъ долженъ вѣрить и въ то, что благая воля сильнѣе механическаго теченія природы, что она можетъ преодолѣвать его, т. е. тотъ долженъ вѣрить въ христіанскія чудеса. Отрицать же ихъ значитъ съ одной стороны ограничивать Божество, а съ другой стороны лишать природу спасительнаго дѣйствія Божія и увѣковѣчивать въ ней владычество смерти и тлѣнія, т. е. отвергать всю силу христіанства. То же должно сказать и относительно таинствъ церковныхъ, которыя суть лишь *обычныя* чудеса, т. е. опредѣленные и единообразныя проявленія благой жизни Божіей въ матеріальной средѣ челоуѣчества для тѣснѣйшаго въ немъ общенія любви.

Итакъ, если богослуженіе церковное есть лучшее выраженіе нравственной взаимности, если чудеса христіанскія суть свидѣтельства нравственной истины и если таинства церковныя суть проявленія благой жизни, то сектанты, выступающіе во имя нравственного начала любви и правды, напрасно отвергають форму церковную, которая есть именно форма высшей правды и любви. И если эта форма превращается иногда церковными людьми въ мертвый обрядъ, то должно помнить, что все доброе можетъ быть превращено въ пустой и мертвый обрядъ; такимъ обрядомъ можетъ сдѣлаться и та честная, нравственная жизнь, которою такъ хвалятся сектанты; ибо если кто хорошо живетъ, но при этомъ кичится своею праведностію и презираетъ другихъ людей, если кто проповѣдуетъ любовь, а самъ отдѣляется отъ ближнихъ своихъ и чуждается ихъ за ихъ предполагаемыя заблужденія, — воистину его честная жизнь и проповѣдь нравственная есть пустой и мертвый обрядъ.

Поразительная судьба тяготѣетъ надъ всѣми видами нашего раскола. Вотъ люди, возставшіе во имя самостоятельности народнаго обычая въ церкви, очутились внѣ народной церкви и лишь на чужбинѣ, съ помощью политическихъ враговъ своего народа, добились нѣкотораго подобія церковнаго устройства; люди, полагавшіе душу свою за малѣйшую букву церковной формы, вдругъ оказались лишенными самыхъ существенныхъ и образующихъ формъ церковной жизни и остались при одной сокровенной и яко бы невидимой церкви. А вотъ, напротивъ, люди, исходящіе изъ исключительной духовности, допускающіе только служеніе Богу въ духѣ и истинѣ, вдругъ впадаютъ въ грубый матеріализмъ скопчества; и вотъ, наконецъ, люди, выступающіе во имя всеобъемлющей любви и дѣятельной правды, кончаютъ враждебнымъ обособленіемъ, замыкаясь въ безплодное сектантство и мертвый нравственный формализмъ. Такая рѣзкая противоположность между началами и концами сектантства должна бы остановить вниманіе искреннихъ и размышляющихъ людей между самими сектантами, а такихъ между ними довольно. Пусть самыми добрыми побужденіями руководились они или предки ихъ при отдѣленіи отъ церкви, но вотъ явный и непреложный фактъ, что эти добрыя человѣческія побужденія ни къ чему кромѣ худого не привели. Значить, самъ человѣкъ безсиленъ и при добрыхъ побужденіяхъ. Въ этомъ должны они убѣдиться на дѣлѣ собственнымъ опытомъ; и если ихъ человѣческій путь не ведетъ къ добру, обязательно

имъ избрать другой. И не потребуется отъ нихъ для этого измѣнить своимъ началамъ, отказываться отъ своихъ добрыхъ побужденій. Всѣ они, и старовѣры, и мистики, и рационалисты, стоятъ и дѣйствуютъ въ силу человѣческой свободы — свободы народнаго обычая, свободы личнаго вдохновенія и личной совѣсти. Эта свобода не можетъ и не должна быть у нихъ отнята. Но какъ люди, ищущіе добра и правды, они должны эту самую свободу, всю эту энергію человѣческаго начала отъ своихъ отдѣльныхъ цѣлей обратить на общее дѣло Божіе. Если они свободно отдѣлились отъ церкви, то неужели не могутъ свободно съ нею соединиться? Ибо требуется не рабское подчиненіе человѣческому произволу, но лишь добровольное согласіе на волю Божію.

Вотъ, по-вашему, видимая церковь, человѣчество христіанское оскудѣло и замерло, не видно въ немъ дѣйствій и явленій духа Христова, въ васъ же этотъ духъ пробудился и требуетъ дѣйствій. Но есть ли этотъ духъ — духъ любви и милосердія или же духъ гордости, злобы и вражды? Покажите же любовь свою на дѣлѣ: если вы исполнены духомъ христіанскимъ, излейте его на всю церковь, силою вашей любви возбудите жизнь въ ея омертвѣвшихъ формахъ, согрѣйте ихъ вашимъ духовнымъ пламенемъ. Если вы воистину избранники Божіи и соль земли, то осолите землю, ибо соль хороша растворенная въ другомъ, а не отдѣльно взятая. Воистину сектантская гордость и презрѣніе ко всему остальному человѣчеству не суть дѣйствія духа Божія. Если мы сознаемъ, что міръ христіанскій весь во злѣ лежитъ, то не должно намъ умножать этого зла. По заповѣди евангельской, чужому злу противопоставьте не зло свое, а добро, не тушите огня огнемъ, но водою. Если вы искренно чувствуете и тяготитесь господствующимъ въ мірѣ зломъ, то вотъ въ вашей власти нанести ему сильный ударъ. Передъ вами великое дѣло, вы можете совершить высокій подвигъ свободы и любви, если примиритесь и воссоединитесь съ братіей и отечествомъ вашимъ въ христіанскомъ смиреніи, которыхъ вы нынѣ въ гордости своей презираете. Пусть они погрязаютъ въ грѣхахъ, и вы лучше ихъ, — тѣмъ болѣе они нуждаются въ вашей помощи для своего спасенія. И не безчеловѣчно ли съ вашей стороны въ тяжелыя для всѣхъ и смутныя времена враждебно выдѣляться изъ общественнаго тѣла, замыкаться въ своихъ тѣсныхъ кругахъ, отказываться отъ общей работы.

Я говорю не о человѣческой только работѣ, а о дѣлѣ Божіемъ,

объ исполненіи Его воли на землѣ. Воля Божія для всѣхъ открыта: *да будутъ всѣ едино*. И эта воля, отъ вѣка осуществленная на небесахъ, на землѣ должна осуществляться чрезъ согласное дѣйствіе воли человѣческой, ибо Богъ хочетъ *свободно* всеединства. Отъ вѣка раздается слово Божіе: да будетъ свѣтъ и все добро, и въ предѣлахъ божественнаго міра, въ церкви невидимой славы, все свѣтъ и все добро, но вотъ у насъ на землѣ мракъ и злоба, и не выйдемъ мы на свѣтъ Божій до тѣхъ поръ, пока къ божественному *да будетъ* не прибавимъ отъ себя: *воля Твоя*. Это свободное согласіе человѣческой воли на волю Божію и есть основаніе той новой земли, которой мы по обѣтованію Его чаемъ, въ ней же правда живетъ. И нынѣ всякій изъ васъ, пребывающихъ въ раздорѣ и противящихся волѣ Божіей, имѣетъ силу и власть ускорить откровеніе для насъ обѣтованной земли, если только, удаливъ изъ своей человѣческой воли всякую тѣнь самоутвержденія, прямо обратится къ солнцу правды и всею душою скажетъ: да будетъ воля Твоя. Воистину такой великимъ наречется въ царствіи Божіемъ.

Религіозное движеніе, возникшее въ русскомъ народѣ въ XVII вѣкѣ и обнимаемое общимъ названіемъ раскола, до послѣдняго времени оставалось чуждо образованному обществу. Происходившія въ этомъ послѣднемъ религіозныя обособленія, напр. московскіе мартинисты, кружокъ Татариновой въ Петербургѣ, не имѣли широкаго распространенія и скоро исчезли. Но въ послѣднее тридцатилѣтіе началось въ нашихъ образованныхъ слояхъ религіозное броженіе болѣе общаго характера, приведшее къ образованію нѣкоторыхъ постоянныхъ теченій религіозной мысли. Это образованное сектантство имѣетъ несомнѣнное сродство и сходство съ нѣкоторыми изъ развѣтвленныхъ народнаго русскаго раскола, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и значительныя особенности. Возникновеніе его не связано ни съ какимъ крупнымъ фактомъ нашей церковной исторіи, оно явилось не на духовной, а на свѣтской почвѣ, частью въ видѣ отвлеченной религіозной мысли и личныхъ исканій, частью какъ отраженіе нѣкоторыхъ особыхъ явленій иноземной жизни. Сразу трудно замѣтить единство и общую основу этого религіознаго движенія, хотя такая общая основа въ немъ несомнѣнно присутствуетъ, какъ мы далѣе увидимъ. Но прежде всего въ нашемъ образованномъ сектантствѣ

явственно различаются три главных направленія, различаются настолько рѣзко, что представители ихъ рѣшительно чуждаются другъ друга и не признають между собой никакой солидарности. Изъ этихъ трехъ наиболѣе сплоченною и энергичною является группа людей «нашедшихъ Христа» и пребывающихъ въ постоянномъ личномъ общеніи съ Нимъ. Для этихъ людей вся религія сводится къ внутреннему состоянію увѣренности въ своемъ спасеніи и чувству благодарности къ Спасителю безъ всякихъ обязанностей и дѣлъ. Все дѣло уже сдѣлано за насъ Христомъ, искупившимъ насъ; усвоется же это искупленіе только личною увѣренностью въ немъ. Если мы вѣримъ, что мы спасены, то мы тѣмъ самымъ уже спасены, уже обладаемъ всею истиною и нравственнымъ совершенствомъ; больше намъ ничего не нужно, мы можемъ только радоваться своему даровому блаженству. Христосъ здѣсь вызываетъ только чисто-человѣческія чувства, къ Нему относятся просто какъ къ любимому человѣку, оказавшему намъ благодареніе, и вся религія принимаетъ совершенно интимный, *домашній* характеръ. Но какъ бы человѣкъ ни услаждался своимъ личнымъ чувствомъ, въ немъ всегда есть потребность *проповѣдывать* другимъ, а для проповѣди нужно опереться на что-нибудь кромѣ своего собственнаго чувствованія; и наши сантиментальные сектанты опираются на Евангеліе, превращая его въ свидѣтельство домашней религіи.

Изъ Евангелія же исходитъ и другая вѣтвь нашего дворянскаго раскола, которую можно назвать *правоучительнымъ сектантствомъ*. Согласно этому направленію религіозной мысли, вся сущность христіанства сводится къ евангельской *нравственности*. Все дѣло въ христіанскомъ *настроеніи духа*, въ томъ, чтобы питать въ себѣ добрыя чувства и поступать по правдѣ. Религія есть лишь субъективное нравственное состояніе человѣка. Никакой особой вѣры, никакихъ предметныхъ (объективныхъ) истинъ, догматовъ и ученій не нужно. Никакой христіанской *идеи* не существуетъ, есть только христіанское чувство и христіанская жизнь. Все христіанское вѣрученіе, а тѣмъ болѣе всѣ церковныя учрежденія, богослуженіе и таинства — все это произвольныя человѣческія изобрѣтенія, только затемняющія нравственный смыслъ религіи и отклоняющія человѣчество отъ истиннаго пути.

Съ этими двумя вѣтвями нашего раскола, повидимому, не имѣетъ ничего общаго группа людей, связывающихъ религію прежде всего

съ фактомъ нашего безсмертія и съ фактическими сношеніями между нами и невидимымъ міромъ духовъ. Я разумѣю тѣхъ людей, которые не только признаютъ дѣйствительность такъ называемыхъ медиумическихъ явленій, но и видятъ въ нихъ основаніе новой вѣры, долженствующей замѣнить собою христіанство, или по крайней мѣрѣ радикально преобразовать его на новыхъ основаніяхъ. Главнымъ источникомъ религіи здѣсь признаются нѣкоторыя внѣшнія проявленія отдѣльныхъ духовныхъ существъ нездѣшняго міра при посредствѣ особыхъ субъектовъ нашего міра, приспособленныхъ къ этому дѣлу природою и упражненіемъ⁸. Если содержаніе этихъ сектъ мы сопоставимъ съ полнотою христіанскаго ученія, какъ оно сохраняется вселенскою церковью, то легко увидимъ, что каждая изъ этихъ сектъ вырываетъ изъ христіанства частицу его истины, и на этомъ останавливается. Вѣра въ искупительный подвигъ Христа и живое личное отношеніе къ Нему; далѣе, праведная жизнь и добрая дѣла какъ исполненіе заповѣди Христовой; наконецъ, общеніе съ духовнымъ міромъ и жизнь будущаго вѣка какъ обѣтованіе Христово — всѣ эти три пункта необходимо входятъ въ составъ христіанской истины и церковнаго ученія. И здѣсь находимъ примѣненіе аксіомы знаменитаго философа, что ложность каждаго ученія заключается не въ томъ, что оно утверждаетъ, а въ томъ, что оно отрицаетъ. Заблужденіе редстокизма не въ томъ, что оно признаетъ вѣру, а въ томъ, что оно отрицаетъ дѣла; ошибка нравоучительнаго сектантства не въ томъ, что оно требуетъ нравственнаго настроенія духа, а въ томъ, что оно пренебрегаетъ его положительными задачами въ мірѣ; наконецъ, обманъ спиритизма не въ томъ, что онъ утверждаетъ реальное общеніе двухъ міровъ, а въ томъ, что онъ упускаетъ изъ виду идеальныя и нравственныя условія для такого общенія, основывая его не на вѣрѣ и нравственномъ подвигѣ, а на внѣшнемъ и случайномъ фактѣ.

Но, отрывая отъ вселенской истины тѣ или другія ея части и исключительно останавливаясь на нихъ, эти секты въ такой своей исключительности находятъ и свое наказаніе, ибо неполнота каждой изъ нихъ не позволяетъ ей получить преобладаніе и даетъ противъ

⁸ Я имѣю въ виду спиритизмъ только какъ религиозную секту, а не какъ научное изслѣдованіе нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ явленій нашего психофизическаго міра. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ спиритизмъ можетъ быть дѣломъ полезнымъ.

нея силу другимъ ученіямъ. Можно сказать, что каждая изъ нихъ невольно, по логическому закону, вызываетъ другія секты. Такъ люди «нашедшіе Христа», ограничивая религію личнымъ актомъ вѣры — нашей человѣческой вѣры — и вводя Божество въ рамки нашихъ личныхъ отношеній, отнимаютъ у Него Его безконечность. Но такой Богъ, сведенный съ небесъ, такъ тѣсно связанный съ нашими чувствами къ Нему, скоро теряетъ всякую самостоятельность и всякое надъ нами преимущество. Если все дѣло религіи ограничивается нашею личною вѣрой, нашимъ внутреннимъ чувствомъ, если мы не можемъ возвыситься надъ самими собой, — то Божество въ сущности является лишь символомъ нашего чувства — символомъ, который скоро оказывается излишнимъ. Намъ кажется, что люди послѣдовательные должны непремѣнно отъ такого возрѣнія перейти къ правоучительному сектантству, которое уже прямо отвергаетъ самостоятельность божественнаго начала и все дѣло религіи сводитъ къ нашему нравственному настроенію, къ внутреннему миру человѣка съ самимъ собою. Но на дѣлѣ для того, чтобы имѣть миръ съ самимъ собою, человѣкъ нуждается въ какой-нибудь опорѣ *кроме самого себя*. Но когда положительное откровеніе отвергнуто и Богъ сведенъ съ неба, то человѣку остается искать опоры только во внѣшнемъ случайномъ фактѣ, въ чудесномъ дѣйствіи внѣшнихъ таинственныхъ силъ. Такую опору думаютъ найти въ спиритизмѣ. Въ спиритизмѣ религіозная потребность уже не удовлетворяется одними субъективными чувствами и нравственными разсужденіями, а ищетъ себѣ фактической, независимой отъ насъ самихъ, объективной опоры. Бѣда же его въ томъ, что та фактическая основа, которую онъ хочетъ дать религіи, тѣ силы, которыя дѣйствуютъ въ спиритическихъ явленіяхъ, хотя и независимы отъ насъ (до извѣстной степени), но вмѣстѣ съ тѣмъ не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что было бы лучше и выше насъ самихъ, что возвышалось бы и дѣлало насъ лучшими. Въ спиритическихъ явленіяхъ и откровеніяхъ мы сталкиваемся съ тою же самою ограниченностью и несостоятельностью человѣческою, которую мы находимъ въ себѣ самихъ и отъ которой мы ищемъ убѣжища въ религіи. Спириты предлагаютъ религіозному чувству независимую отъ него объективную опору. Хорошо, что они сознаютъ необходимость такой опоры, но та, которую они предлагаютъ, не годится. Религіозный человѣкъ можетъ опереться только на то, что безконечно выше и совершеннѣе его самого, что имѣетъ

безусловное значеніе. Ничего такого нѣтъ въ спиритизмѣ; здѣсь все относительно, все случайность и произволь. Отсутствіе *внутренней значительности* въ явленіяхъ и откровеніяхъ спиритизма не мѣшаетъ имъ быть интереснымъ предметомъ научнаго изслѣдованія; но это отсутствіе внутренней значительности и безусловнаго содержанія дѣлаетъ ихъ рѣшительно неспособными послужить основой настоящей религіи.

Спиритизмъ, также какъ и два другія направленія нашего сектантства, отнимаетъ у религіи ея сверхчеловѣчскій характеръ, отдѣляетъ ее отъ дѣйствительно безусловнаго, воистину божественнаго начала. Помимо частной ограниченности каждой секты все сектантство въ совокупности страдаетъ тѣмъ кореннымъ недостаткомъ, что, останавливаясь на тѣхъ или другихъ проявленіяхъ духовной жизни въ насъ и для насъ, оно отдѣляетъ эти проявленія отъ сверхчеловѣческой сущности и источника духовной жизни, т. е. отъ того самаго, что дѣлаетъ религію религіей и вѣру вѣрой. Ибо безъ этого и субъективная увѣренность въ своемъ спасеніи, и личная праведность, и индивидуальное чудодѣйствіе — все это только проявленія нашей несовершенной и ограниченной природы, дѣйствія и состоянія человѣчскія, тогда какъ весь смыслъ религіи въ томъ, что она связываетъ человѣка съ тѣмъ, что прежде человѣка и выше его и могущественнѣе его, въ чемъ онъ нуждается, что увеличиваетъ и возвышаетъ его бытіе, превращаетъ его изъ отдѣльной ограниченной личности въ неотъемлемое звено совершеннаго и безграничнаго цѣлага, которому можно отдаться, ради котораго стоитъ отказаться отъ своего эгоизма. Такое цѣлое и есть вселенская церковь — живое тѣло живаго Бога.
